

Аджимуратова З.Н. ОСОБЕННОСТИ ЗВУКОСИМВОЛИЧЕСКИХ СЛОВ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Звукосимволизм в языкознании называется такое отношение между означаемым и означающим, значением и формой, при котором связь между ними носит не произвольный, а зависимый характер. Явление звукосимволизма наряду со звукоподражанием составляет языковую характерность, определяемую как звукоизобразительность в языке. Принципиальное различие между звукосимволизмом и звукоподражанием заключается в несходстве мотивирующих признаков денотата, дифференцируемых путем чувственного восприятия.

Значительный интерес к проблеме звукосимволизма был проявлен такими учёными, как Р. Браун, С. Эртель, Г. Хордман, И. и М. Тэйлоры, Ж. Петерфальви, Г. Мюллер, И. Брэкбилл, К. Литл, М. Майрон, а также советскими лингвистами – В. В. Левицким, А. П. Журавлевым, Е. А. Гурджиевой, А. Н. Журиным, С. В. Ворониным и др.

В настоящее время существуют три основные точки зрения на причины, порождающие звукосимволизм:

1. В основе звукосимволизма лежат физические (акустические и артикуляторные) свойства звуков. «Открытый рот, выдвинутые вперёд челюсти, сжатые губы производят значения, характеризующие производимые звуки» [5, с.86]. «При произнесении высокого тона, - замечает Ф.Кайнц, в гортани появляется чувство напряжения и тесного контакта, в то время как при произнесении низкого тона голосовые органы оказываются в более расслабленном положении» [7, с. 205]. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с транспозицией одних видов ощущений в другие (моторные в акустические, акустические в зрительные и т.д.), т.е. с синестезией. (С. Ньюмен, Е. Вейрон, М. Бентли, М.С. Майрон и другие).

2. Теория Р.Брауна. В основе звукосимволизма лежит не что-то неуловимо-таинственное, а опыт, приобретённый человеком в процессе своей практической деятельности. Человек учится тому, что большие предметы (например, тяжёлый шкаф) издают (например, при передвижении) низкие и грубые звуки, а маленькие предметы – приятные и высокие звуки. По этой причине испытуемые связывают в ходе эксперимента высокие звуки с чем-то маленьким, а низкие – с чем-то большим.

3. Концепция И.Тэйлор. В основе звукосимволизма лежит языковая привычка, лингвистический «тренинг». В английском языке фонема [g] встречается в словах со значением «большой», поэтому испытуемые оценивают сочетания с начальным g как нечто большое [8].

Первую теорию С.М.Эрвин-Трипп и Д.И.Слободин [6, с. 42] называют синестетической, вторую – референтной и третью – ассоциативной. Синестетическая и ассоциативная теория сходны тем, что они обе «предполагают» значения, а не референт. Синестетическая и референтная сходны тем, что обе предполагают существование универсальности звукоосимволических правил, ассоциативная же исключает универсальность.

Следовательно, эти теории можно свести к двум основным: 1) в основе звукосимволизма лежит транспозиция одних ощущений в другие; 2) в основе звукосимволизма лежит языковая привычка.

В крымскотатарском языке имеются такие примеры звукосимволических слов.

Къап – эта односложная глагольно-именная корневая морфема в крымскотатарском языке имеет ряд производных: *къап(макъ)* – 'кусать'; *къаптырмакъ* – положить в рот кому-то, дать укусить; *къапу* – дверь; *къапатмакъ* – закрыть, накрыть; *къапакъ* – крышка; *къапакъламакъ* – опракинуть; *къапкъан* – 'капкан'; *къаптан* (северный диалект) – платье; *къабукъ* – 'кора, шелуха'.

Данный звукосимволизм имеет фонетическое сходство и семантическую близость с другими тюркскими языками. Например, в казахском языке *къап* – 'кусать'; 'мешок', 'чехол', 'оболочка'; *пистолеттин къабы* 'кобура пистолета'; *къапкъан* 'капкан', *къабыкъ* 'кора, шелуха'; *къап* 'куль (большой мешок) из рогажи', 'к-оробка (для спичек)', *капкач* 'крышка, покрывало, колап, клапан, дверка, заслонка, ставни', *капкын* 'капкан', *каплам* 'покрыв'; В киргизском языке семантическое поле рассматриваемой морфемы также образуется от исходного понятия: *кап* – 'хватать, брать руками, хватать ртом, зубами; широкий мешок, футляр, оболочка, ножны', *капка* 'крышка, покрывало'; 'ворота, ущелье'.

«Трудно сомневаться, – утверждает Л. Н. Харитонов, – что эти слова происходят от подражания как процессу, так и звуку удара горстью, хватания» [3, с.263–264].

По Воронину С.В., «характер примарной мотивированности здесь ясен: при первичной номинации жест хватания рукой «моделируется» в звукоизображении озвучаемым жестом хватания ртом. Семантическая же эволюция такова: 'хватать (хапать) ртом' – 'хватать рукою' – 'орать' – 'держаться, иметь'» [1, с. 77].

Сопоставляя слова со значением 'звук хватания ртом', А. М. Газов-Гинзберг приводит следующие примеры: рус. *ам* (*хам*), *гам*; осет. *капп*; як. *ам*, *ням*, *хап*; чув. *хомп*, *хып*, *кап*; яп.: *ку(р)и*; араб. *НММ*, *КММ*, *ГМ* – и отмечает, что «слова эти происходят от жеста хватания ртом, подчеркнутого озвучением (при помощи вдоха или выдоха, чаще с голосом)» [2: 19,56].

Шап/Чап – звукоизобразительное слово со значением быстрого действия, моментальной реакции, хлопка, цапанья, соответствует рус. *цап*; крым.тат. *шап* – «хлоп»; *шавылдамакъ* – хлопнуть, апплодировать, *шавылдавлар* – апплодисменты'; *чана* – цапка, *чаналамакъ* – цапать, *чабик* – быстрый, *чапмакъ* – бежать.

По Илличу-Свитычу, данный корень на уровне ностратики имел форму *сар'a* – 'бить, рубить' и по происхождению является дескриптивным.

Приведенные данные свидетельствуют о гомогенности *сар/шар/сар*, при этом, если на уровне праязыка

в тюркских односложных корневых словах гипотетически выделяется *сар*, то в крымскотатарском языке данный корень выражен формами с *ш* и *ч* в анлауте. Интересно, что та и другая формы при определенной семантической близости не утратили звукоимбовольческой функции, а также имеют свой ряд производных, уже несколько отдаленных в семантическом плане.

Ынкъ / ик - пикать, *ынкъ этмемек* - 'не пикнуть, не издавать ни звука', *ынкъкылдамакъ*- 'заикаться, запинаться'. При икании наблюдается непроизвольное сжатие мышц горла, резко прекращающее втягивание воздуха, в результате чего издается характерный звук. Данное звукоимбовольческое обозначение состоит из неогубленного заднего ряда *ы* и увулярного смычного *къ*, артикуляция которого как бы повторяет, воспроизводит действие мышц при икании. Употребление в данном случае именно увулярного *къ* объясняется тем, что этот согласный в фонетической системе крымскотатарского языка из смычных согласных является самым задним.

В других тюркских языках данной звукоизобразительной форме со значением 'икать, пикать' соответствуют: др.-тюрк. *iq tut* 'нападать, схватывать (об икоте)' (МК I,37), *iqurmaq* 'удушье' (ДТС, с.219); каз. *ык*; кирг. *ык* 'икота', *ик тут-*, *ыктыт-* 'икать', *ыктытма* 'икота', *ыктыга сойло-* говорить задыхаясь, запинаясь', *ыкылда-* 'издавать звук, похожий на икоту (напр., при ударе в живот)'; туркм. *ык* подр. вздоху, стону. Так как при отрывании и кашле, так же как при икоте, происходит сжатие мышц горла.

Йал/ йыл - подр. блеску, сверканию. В крымскотатарском языке от данного корня образуются: «*ялкъ*» *этмек* – ёкнуть (о сердце), блеснуть, сверкнуть (о молнии), плюхнуть, *йылтырамакъ*- 'сверкать, блеснуть', *йылтыравукъ* - блестящий, *йылдырым* - молния, *йылдыз* – звезда *йылп-йылп этмек* – сверкать периодически; *ялмакъ* - плоский.

В данных примерах основным звукоизобразительным элементом является *й*, основными значениями – 'блеск, сверкание, колыхание (пламени) и соприкосновение плоских предметов. В масштабе тюркских языков в анлауте наблюдается чередование *й~ж~ч*, ауслаутный согласный остается неизменным, основные значения сохраняются, производные значения, образуемые за счет модификаторов *т*, *п* и *къ* могут быть разными Ср : др.-тюрк. *jaldra-* 'сверкать' (МК III, с.437), *jaldruq-* 'блестящий, сверкающий' (МК III, с.432), *jalin-* 'пламя' (МК III, 23), *jalina-* 'пылать' (ДТС, с.229), *jalin-* 'сверкать блеснуть' (ДТС, с. 230). Ср.: крым.тат. *йылтырамакъ* – блеснуть; каз. *жылтылда-*, *жылтыра-* 'блеснуть, сверкать, сиять, мелькать'; кирг. *жылт* подр. слово, выражающее мгновенное и неожиданное действие; туркм. *йылп-йылп* подр. мигающим огоньком; узб. *йилтилла-*, *йилтира-* 'блеснуть, поблескивать, сверкать, мерцать.

В семантическом плане различие звукоимбовольческих корней *жал* (*йал*) и *жыл*(*йыл*) заключается в том, что первый обозначает более яркое, а второй – менее яркое сверкание. Вертикальная вариативность здесь, как и в случае со звукоподражательными словами, выступает в качестве семантически дифференцирующего признака [4, с. 152].

В звукоимбовольческом плане с обозначениями блеска, пламени и т. д. структурно и звукоизобразительно близки слова, передающие значение прикосновения к жидкости, жидкого или полужидкого состояния, также включающие в свою фонетическую структуру щелевой сонорный *л*: крым.тат. *шапыллатмакъ* – бултыхать, плескать воду, *шувул* – подражание шуму реки, воды, плесканию, *шылт* - подражание звуку шагов по воде, шлёпанье по воде, *шырылдамакъ* – журчать (о воде), *шап-шап* подр. звуку при чмокании, чавканье; каз. *шалтылда-* 'плескаться, шлепать по воде. С указанными тюркскими звукоимбовольцизмами как по форме, так и по содержанию в других неродственных языках сопоставимы следующие звукоизобразительные образования: в значении 'плеск жидкости' - рус. *плеск-*, *полоск-*; тадж. *чалап-чалап*, *шилп-шилп*; *лап-лап*; осет. *с'ylling* и т. д.

Итак, рассмотрев ряд звукоизобразительных корней и их производных, сопоставив звукоизобразительную функцию отдельных элементов в самых различных языках, можно утверждать, что существующий в лексике современного крымскотатарского языка определенный пласт несет явно звукоимбовольческую функцию, и в этом плане он сопоставим с однотипными формами многих родственных и неродственных языков. Дальнейшее исследование лексики крымскотатарского языка в данном аспекте, очевидно, позволит выявить ряд новых звукоимбовольцизмов и, тем самым, будет способствовать более глубокому и всестороннему изучению этого интересного явления в крымскотатарском и других тюркских языках.

Источники и литература

1. Воронин С. В. Основы фоносемантики. – Л., 1982.
2. Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? – М., 1965.
3. Харитонов Л. Н. Типы глагольной основы в якутском языке. – М.; Л., 1954.
4. Хусайнов К.Ш. Звукоизобразительность в казахском языке. – Алма-Ата: Наука, 1988. – 232с.
5. Bently M. Varon E. An accessory study of phonetic symbolism/ Amer. J. Psychol., 59, 1959.
6. Ervin-Tripp S.M., Slobodin D.I. Psycholinguistic / Annual review of Psychology, vol. 17, 1966.
7. Kainz F. Psychologie der sprache. Berlin, 1960.
8. Taylor I. K., Taylor M. M. Phonetic symbolism in four unrelated languages // Canadian journal of psychology. Vol. 16. 1962. N 4.